

Покойника пришлось везти в район.

— Прости, батя, видит Бог, не хотел тебя после смерти мучить, да вот приходится, — вслух произнёс Захар, взял с кровати тело отца на руки. — Ух ты, тяжёлый-то какой!

— Может, Ивана позовём? Вдвоём-то сподручнее, — засуетилась жена. — Не стукни хоть головой, а то, чего доброго, скажут, что убили, — и заплакала.

— Да не гоношись ты, не путайся под ногами-то, — повысил голос Захар. — И вправду, иди за Иваном. Не вынести мне одному.

Аккуратно положил тело отца на кровать, сел возле изголовья.

— Вот ведь напасть какая, даже похоронить по-человечески — и то не дают.

Отец прибрался под вечер. Он совсем извёлся за последнюю неделю, как выписали его домой. Все понимали, что помирать. Неотвратимость надвигающейся смерти и сильные боли совсем доконали старика. Фельдшерица Анна Марковна только беспомощно разводила руками:

— Нету у меня обезболивающего. Ему бесплатно положено, да все лимиты в больнице уже исчерпаны. У меня-то здесь откуда возьмутся?

— Так выпиши рецепт, я в город съезжу, — горячился Захар.

— Захар Петрович, да в своём ли ты уме? Да на эти препараты на рецептах две печати ставят, как же я-то тебе их выпишу?

Захар молча вышел, завёл машину и поехал в райцентр. Он ходил в больницу от одного врача, уже знакомого, пока отец здесь лечился, к другому, просил, умолял, ругался и выпросил-таки две ампулы. Рецепт в поликлинике никто ему не дал: "Да как же мы вам выпишем, если пациента в глаза не видели?"

— Мне что, умирающего старика за сто километров к вам сюда за рецептом везти?

— Да вы нас тоже поймите. Это же препараты строгого учёта! В тюрьму никто сесть не хочет за распространение наркотиков. Вон в Восточной Сибири доктор уже несколько лет судится, пытается своё доброе имя отстоять. А и всего-то выписала препарат, который несколько лет назад можно было в любой аптеке купить без рецепта. За распространение наркотиков осудили. Вы что, нас тоже за решётку отправить хотите?

— Дурдом какой-то!

Дурдом не дурдом, но домой Захар вернулся только с теми двумя ампулами, что дал ему врач в бывшей районной больнице, ставшей теперь, в ходе проводимой оптимизации расходов бюджетных средств, филиалом областной.

— Анна Марковна, может, хоть таблетки какие есть? Вон по телевизору но-шпу рекламируют. Подскажи, что делать?

— Ну, вы же сами понимаете, тут уже никакая но-шпа не поможет.

А что те две ампулы?! Вот и маялся старик, от боли корчился.

— Сынок, ты уж заколи меня, а... Избавь от мучений... — слабым голосом просил умирающий. — Сил больше нету. Ну, ножиком не можешь, пристрели хотя бы... как собаку... сынок...

Захар уходил на улицу и плакал.

А вчера отец успокоился. Заснул и дышал ровно с еле слышными хрипами. Настолько тихими, что сидящие возле постели больного сын со снохой то и дело прислушивались: а жив ли хоть?

Сидели молча. Да и о чём было говорить у постели умирающего? Знали, что осталось ему совсем немного, поэтому к похоронам готовились. Говорить о чём-то другом? А о чём, когда за тридцать лет совместной жизни обо всё переговорено уже сто раз. Вот и молчали, прислушивались к еле слышному дыханию старика, не в силах смотреть на осунувшееся лицо человека, ещё полгода назад пышущего здоровьем.

Вдруг будто что-то булькнуло в горле спящего, он вытянулся и затих.

— Прибрал господь, — прошептала Зинаида и заплакала.

Ещё немного посидели, потом Захар встал:

— Пойду к Анне Марковне, пусть хоть смерть засвидетельствует. Может, бумаги какие надо оформить.

— Участковому надо звонить, он протокол должен составить. А за остальными бумагами в район ехать, — сказала Анна Марковна. — Он в больнице лежал, история болезни у них есть, выпишут справку, по ней в ЗАГСе свидетельство о смерти получишь. Какие проблемы?

Оказалось, что проблемы есть. Совсем ещё молодой главврач филиала, то ли с глубокого похмелья, то ли после дежурства, то ли всю ночь с бабами кувыркался, выглядел чрезвычайно усталым и неприветливым. Он только мельком посмотрел на Захара и, будто отмахиваясь от назойливой мухи, вытянул ладонь вперёд:

— Нет, нет и ещё раз нет. Вот если бы он скончался у нас, тогда другое дело, но летальный исход наступил дома. В этом случае только судмедэкспертиза.

— Да какая экспертиза? — загорячился Захар. — Он же у вас тут лежал, вы же сами его домой помирать отправили.

— Такие правила, — отрезал главврач и помахал рукой в сторону двери, намекая, что разговор окончен.

— Какие такие правила? — Фёдор уже начал терять самообладание. — Вы не вылечили, домой помирать отправили, а теперь экспертизу придумали.

— Понимаете, если летальный исход наступил вне стен лечебного учреждения, необходима судебно-медицинская экспертиза. Такой закон.

— Дураский у вас закон!

— Согласен, но не я его придумал.

Захар развернулся и громко хлопнул дверью, раздосадованный и законными, и бессердечностью доктора.

Домой он вернулся уже после обеда. Мужики к этому времени сколотили гроб, но покойника в него класть Анна Марковна пока не советовала:

— Лучше бы сначала на судемедэкспертизу свозить, а потом уже обмывать и укладывать.

— Так что, нам его просто так в кузове везти или на моём прицепе нивовском? — чуть не матерился Захар.

— Ой, я не знаю, — пожимала плечами Анна Марковна. — Отвезти-то можно, наверное, и в гробу. А то на матрасе каком или на одеяле.

— Вашу мать! — выругался Захар. — Отца родного, труженика тыла, как бича какого безродного...

Грузовик в деревне был только один — “газель”-фургончик с надписью “Продукты”.

— Да ты что, Захар Петрович! — изумился просьбе соседа Андрей. — Да как же я на продуктовой машине покойника-то повезу? Да потом ко мне в магазин никто даже за хлебом ходить не станет. А если Роспотребнадзор узнает, меня же с потрохами съедят. Мне никаких денег не хватит, чтобы откупиться!

— Так что делать? Присоветуй. Ты у нас грамотный, институт кончил.

— Захар Петрович, в институтах этому не учат.

— Вот и худо, что не учат.

— Я давно в книжке одной читал, где-то в Латинской Америке закадычные друзья своего умершего друга-вышивоху три дня по кабакам под руки водили. Такое оригинальное прощание с разгульной жизнью ему устроили.

— Мой батя не загульный был, сам знаешь, — обиделся Захар.

— Да я разве о том? — тут же стал оправдываться Андрей. — Придётся тебе его на заднем сидении своей “Нивы” везти.

— Ты что, издеваешься? — начал горячиться Захар. — Батя ростом под два метра был, как я его на заднее сиденье положу?

— Возьми моего китайца, я тебе доверяю.

— Один хрен, что моя “Нива”, что твой китаец. Сантиметра два ширины разница.

— Захар Петрович, придётся сидя везти. Ремнями пристегнуть и везти. Другого выхода нету. Не могу я тебе свою продуктовую “газельку” дать.

— Да уж, ситуация. И на тот свет человеку без проблем отправиться не получается. Во всём у нас одни проблемы.

Жил отец отдельно. Никакие уговоры не смогли убедить его переселиться к сыну, хотя места в доме было достаточно. Так он до последнего издыхания и находился в собственными руками срубленном доме. Печку не топили, зима ещё хоть и не пришла, снег только чуток припорошил землю, но на улице стоял бодрый морозец, поэтому решили входную дверь оставить настежь распахнутой, чтобы не испортить покойника, как сказала одна из ровесниц отца.

С мужиками, что мастерили гроб, договорились, что пока они копают могилу, Захар свозит отца в эту самую судемедэкспертизу. Поди, экспертиза дело нехитрое, что там больного старика экспертизировать-то? До обеда успеет обернуться, чтобы часа в два отправить отца в последний путь.

К зданию суда Захар приехал в половине девятого. Выкурил штук пять сигарет, пока дождался начала рабочего дня.

— Да вы что? — изумился охранник в какой-то новомодной форме чёрного цвета с шевроном на рукаве и в беретке с большой кокардой. — У нас тут суд, а не экспертиза.

— Так мне и сказали: “Суд медэкспертиза”.

— Это недалеко от больницы. Кирпичное такое здание, небольшое, из силикатного кирпича, — пояснил охранник.

Дверь в здании с красной гербастой вывеской оказалась на замке. Захар робко постучал, потом постучал громче. Через пять минут уже всю коло-

тил кулаками по металлической поверхности. Никто не открывал. Обошёл вокруг, постучал во все окна. Тишина. В неподалёку расположенном приёмном покое больницы женщина куда-то позвонила, потом позвонила ещё в несколько мест и только после этого повернулась к Захару:

— Патологоанатом-то у нас ведь по совместительству. Хирург он, а сегодня после ночного дежурства уже домой ушёл. Вы с ним минут на десять разминуйтесь.

— Может, догоню?

— Да вы что?! Это же не частная лавочка, захотел — открыл, захотел — закрыл. Вы уж завтра приезжайте. Прямо с утра пораньше и приезжайте.

— Может, сменщик есть?

— Да какой сменщик? У нас тут с этой оптимизацией столько народу сократили, что скоро каждый по десять функций выполнять станет. А вы про сменщиков...

Дома с Иваном аккуратно занесли отца в избу, снова положили на кровать. Мужики доложили, что могила готова. Выпили за помин души тут же в доме покойного, не снимая курток, потому что температура была чуть выше уличной. От второй стопки Захар отказался — утром снова ехать в район, как бы какой гаец не тормознул да не придрался.

Дверь судеэкспертизы снова оказалась закрытой. Захар подождал до половины десятого, потом пошёл в приёмный покой. Та же самая женщина, что вчера отнеслась к нему участливо, позвонила куда-то и извиняющимся тоном сказала:

— А Степаныча, нашего патологоанатома, вызвали в область на двухдневный семинар. В воскресенье — выходной, так что в понедельник и приезжайте. А что у вас?

— Да батя у меня помер. Справка нужна, без неё хоронить не дают. Говорят, лучше со всеми документами, чем потом эту, как её, сгумацию проводить.

— Эксгумацию.

— Один хрен.

— А что с отцом случилось? — участливо поинтересовалась женщина.

— Что случилось? Помер... У вас тут лечили, лечили, не вылечили, домой помирать отправили, а теперь вот экспертизу делать заставляют.

— А вы с нашим главным не разговаривали?

— Да позавчера ещё. Упёрся и всё. Законы, говорит, законы... твари бездушные! Мне теперь что, ещё три дня отца не хоронить?

— Да вы не переживайте сильно-то. Не лето на дворе, не жара... Погодите-ка, я спрошу.

Она вернулась минут через десять.

— Извините, ничего не вышло. Только с разрешения главного.

— Может, взятку ему дать? — почти прошептал Захар.

— Что вы ему, тысячу предложите? Две? Вижу, не из богатеев.

Да у него машина вон миллиона три, говорят, стоит. Он с этими вашими тысячами и мараться-то не станет.

— Так подскажите, что делать? Вижу, женщина вы добрая.

— А ничего не поделать. Поезжайте домой и ждите понедельника.

Пришлось опять ни с чем ехать домой. На окраине города “гаишники” останавливали всех и что-то или кого-то искали. Тормознули и Захара.

— Старший лейтенант Давыдов, областная инспекция дорожного движения, — скороговоркой, почти невнятно представился “гаишник”. — Документы, пожалуйста.

— Что-то нарушил?

— Нет, просто объявлена операция “Перехват”, всех проверяем.

Посмотрел права, техпаспорт, сверил с номерами на бампере.

— Паспорт пассажира можно?

Захар взял с переднего сидения пачку бумаг, достал отцовский паспорт, подал гаишнику.

— Он у вас что, пьяный? Сидит как-то...

Гашинки начал подбирать нужное слово.

— Нет, трезвый, — у Захара снова начала закипать злость. — Мёртвый он. Вот на экспертизу возил.

— Шутки шутите?

— Да какие, на хрен, шутки? С этой оптимизацией вожу покойника туда-сюда, вместо того чтобы похоронить по-человечески.

Старший лейтенант обошёл машину, открыл дверцу, пошатал покойника за плечо, потряс сильнее.

— Вы тут что за спектакли-то устраиваете?

Он отошёл к патрульной машине, связался по радиации с начальством.

— Товарищ майор, тут такое дело... Мужик покойника в качестве пассажира на заднем сидении возит. Пристегнул ремнём безопасности и возит.

— Пьяный что ли? — не понял майор.

— Пассажир?

— Водитель, твою мать!..

— Да нет, вроде трезвый. Запаха нет, но какой-то нервный.

— Обкуренный, может? Или уколотый?

— Да нет, в возрасте уже мужик.

— Тогда что за хрень? Умом, что ли, тронулся? Совсем, блин, оборзели!

— Вот и я то же говорю, а он, мол, на экспертизу возил.

— Какую, на хрен, экспертизу? Ты его, что ли, направил?

— Да нет, на судмедэкспертизу, говорит. Покойника, в смысле.

— Совсем вы меня задолбали! И так голова кругом идёт. Гони ты его на хрен, с покойниками мне ещё разбираться! Вы преступника ищите, а не покойников. Работай, давай!

— Так что с этим мужиком делать?

— Да гони ты его, твою мать, куда подальше. Куда он едет?

— Домой в деревню.

— Вот и гони его куда подальше, в свою деревню. И не пудри мне мозги, не до тебя тут!

В понедельник покойник поехал в район в третий раз.

— Заносите, — сказал патологоанатом, когда Захар объяснил ему про мытарства.

— А у вас тут санитаров каких нету или помощников? Один я, пожадуй, и не осило. Дома уже пытался. А у вас тут ступеньки, не уронить бы.

— Да какие у нас помощники и санитары? Телевизоров насмотрятся и думают, что у нас тут, как в кино. А у нас тут оп-ти-ми-за-ци-я, — заворчал доктор. — Из-за этой оптимизации половину санитарок сократили. Здесь тоже один я остался. Говорят, зачем дармоедов держать, когда даже не каждый день трупы таскать приходится.

— Может, хоть вы мне подскажите? Я заплачу, сколько скажете, — затараторил Захар.

— Да что вы там заплатите! Пошли уже! Где там ваш покойник?

Захар подъехал к самому крыльцу.

— Вы что, его так и привезли? — улыбнулся доктор, увидев на заднем сидении машины пристёгнутого ремнями покойника.

— Третий раз уже. И ничего смешного нету, — обиделся Захар.

— Извините, издержки профессии. Чего тут только не насмотришься, но такое вижу впервые.

Не в состоянии смотреть, как патологоанатом будет вскрывать тело отца, Захар вышел на улицу и почти беспрестанно курил, зажигая одну сигарету от другой. Садился в машину, вылезал, ходил вокруг здания, снова садился, закуривал...

— Ну, где ты там? — вышел на крыльцо патологоанатом, вытирая руки далеко не свежим полотенцем. — Всё готово.

— Сколько вы вам должны? — Захар достал из кармана тощую пачку купюр самого разного достоинства, среди которых были две бумажки по тысяче.

— Да ладно тебе, — отмахнулся доктор. — Бутылки нету?

— Не догадался, — извиняющимся тоном произнёс Захар.

— Тогда вот что, пока я бумаги пишу, сгоняй в магазин. Только не бе-

ри коньяк, барахло это. Возьми бутылку нормальной. Попроси не палёной, а то тебе всучат чего попроще, мол, мужик деревенский, ему какая разница.

Пока Захар ездил в магазин, доктор оформил бумаги.

— Компанию составишь?

— Дак я же за рулём. Нельзя.

— И правильно, а то спьяну-то ко мне чаще всего и попадают. Теперь в ЗАГС. Знаешь, где это?

— Да бывал когда-то, если не переехали.

— Они сто лет на одном месте. Давай загружать будем.

Вынесли, бережно усадили тело отца в тесный салон.

В деревню Захар приехал к часу дня, а в два обмытого бабами покойника честь по чести уложили в гроб, вынесли из дома и положили на прицеп.

— В церкву-то не заезжал? — спросила ровесница отца баба Стёша. — Надо было бы молебен за упокой души-то заказать.

— Да какой молебен, коли батя никогда в Бога не верил?

— Вот и худо, что не верил. Но молебен заказать всё одно надо было. Не по-христиански это. Дак и свечечек не купил?

— Да не был я в церкви, какие свечки?! Не до церквей там!

— Погоди-ко уж, у меня дома-то есть. На могилке хоть запалим.

На погосте, когда всё было закончено, и народ помоложе потянулся в сторону деревни, а старушки стали устраиваться в машине Захара, сам он всё ещё стоял у могилы и потерянно смотрел на положенные на холмик искусственные цветы.

— Прости, батя! Пусть тебе на том свете будет лучше, чем здесь. Покойся с миром! Прости нас всех, грешных, что причиняли тебе боль. И прости всех, по чьей вине из-за этой оптимизации твой последний путь оказался таким длинным и беспокойным.

БРЮЛИКИ НА СВАДЬБУ

— Девчонки! Вы что такие смурные? Праздник у нас! Борис Петрович завтра приезжает, договор везёт. Так что давайте готовиться, не ударить бы лицом в грязь. Не угодим — отдаст кому другому, а потом те нас же и захомутают, но уже на субподряде, за копейки. Нам этот заказ сейчас позарез нужен, потому что других нету. Но ему хоть не проболтайтесь. Так что, как всегда, приём организовать по высшему разряду.

— В ресторан пойдём? — радостно спросила Ирина.

— А ты помнишь, чтобы мы когда-то в ресторане с ним праздновали? — повернулся к ней Николай Иванович. — Не любит он эти рестораны, они ему и в Москве надоели. Как всегда, здесь, тихо, по-домашнему. Петровна, с тебя пироги и закуски, что там у тебя дома из дачного есть, не жалей, потом сочтёмся.

— Да разве я для благодетеля нашего чего пожалею, — обидчиво откликнулась Петровна.

Проектировщик из неё был никакой, но зато всё хозяйство фирмы держалось на её попечении. Она была и заведующей, и кладовщиком, и снабженцем, и всем, что требовалось для текущей работы небольшого коллектива проектной конторы — скудного остатка некогда сильного проектного института. Институт в девяностых развалился, здание кто-то из большого начальства приватизировал и начал сдавать площади разным “купи-продай” фирмочкам, что сотнями расплодились в небольшом городе, враз из промышленного ставшим челночно-посредническим.

Николай Иванович тоже тогда подсуетился, прибрал в гараж основную документацию, которую арендаторы собирались вывезти на свалку, и создал

небольшое проектное бюро, собрав в него самых толковых специалистов, поэтому фирмочка работала, выполняя самого разного рода проекты, нужда в которых, несмотря на рухнувшую экономику, всё же была.

Борис Петрович представлял крупную корпорацию, в структуре которой имелся свой проектный институт, но, как часто бывает в разросшихся структурах, там больше времени уходило на разного рода согласования и утверждения, чем на собственно работу. Именно поэтому Борис Петрович, если надо было получить какой-то проект срочно, обращался по старой дружбе к Николаю Ивановичу, имея в таких заказах не только производственный, но и личный интерес.

Этот личный интерес заключался в процентах агентского вознаграждения, передаваемого в конвертах или пакетах, в зависимости от стоимости проекта. Личный интерес был ещё и в красавице Ларисе, что работала в бюро Николая Ивановича. Таких Ларисочек у Бориса Петровича по стране находилось немало, он в свои “за пятьдесят” всеми ими дорожил, одаривал дорогими подарками в обмен на ласковые и нежные объятия.

Был Борис Петрович большим весельчаком, знал тысячи анекдотов и прибауток, нравился женщинам, но в последние годы заметно потяжелел, обрюзг, при виде красивых женщин перестал пытаться втягивать живот, понимая безуспешность предпринимаемых усилий, и сам себе сознавался, что это как раз и есть признак раньше времени наступившей старости. Но молодая душа и шаловливый характер признаваться в том не хотели и подталкивали на новые любовные авантюры, за которые теперь уже приходилось платить дорогими подарками.

Ларисе он каждый раз привозил подарки, от которых сотрудницы завистливо ахали. Вот и на этот раз Борис Петрович не удержался и похвалился Николаю Ивановичу:

— Ты глянь, какие я Ларисочке брюлики привёз.

Он достал из дорогого, крокодиловой кожи портфеля перевязанный ленточкой футляр, щёлкнул крышкой и повернул в сторону Николая Ивановича. На белом бархате лежали вычурной формы золотые серёжки с крупными бриллиантами.

— Да уж! — только и смог вымолвить Николай Иванович, никогда прежде такой красоты не выдавший.

— Из ЮАР привёз. В командировку туда на прошлой неделе ездил. Затеваем там один очень хороший проект, потому и к тебе приехал. Наши год провалят, а дело отлагательств не терпит. Справишься?

— Обижаете, Борис Петрович! Когда я вас подводил?

— Вот потому сразу про тебя и вспомнил. Но дело, напоминаю, очень срочное. И сумма приличная.

— Про сумму — это, как всегда.

— Само собой. Но сейчас главное — качество и сроки. Бросай всю свою мелочёвку, и делай только мой заказ. Бумаги потом посмотришь, обсуждать там нечего, даже не сомневаюсь, что справишься. Девчонки у тебя расторопные, парни головастые, сделаете. А сейчас пошли к девчонкам, я тут им сувенирчики привёз.

Два десятка сотрудников размещались в одном просторном зале. Борис Петрович переходил от одного стола к другому, по-дружески пожимал руки мужчинам, доставая из кармана кому — авторучку, кому — брелок, обнимал и целовал в щёчку женщин, одаривая их духами и кремами.

— А где любовь моя, Ларисочка? — начал озираться Борис Петрович, поздоровавшись со всеми.

— А Ларисочка ваша в субботу с мужем в Турцию на две недели укатила, — затараторила выскочка Галина, недоумевающая, почему московский благодетель в их коллективе выбрал не её, а грудастую Ларису.

— В Турцию? — растерянно посмотрел Борис Петрович на Николая Ивановича. — А ты почему мне ничего не сказал?

— Да вы в этот раз так неожиданно, что...

— Ладно, не оправдывайся, я действительно к тебе, как снег на голову — дело-то очень срочное.

Они прошли в кабинет Николая Ивановича, Борис Петрович грузно опустился в кресло директора, хозяин пристроился к приставному столику.

— Может, водочки? Или вискарика?

— Не хочу! Испортил ты мне настроение! Я надеялся сегодня оттянуться, душой отдохнуть, расслабиться... А ты её в Турцию отпустил. Что, повременить нельзя было недельку?

— Так вы же мне только вчера сообщили, когда она уже там была. Пораньше бы, так, конечно, задержал по производственной необходимости. И путёвку бы оплатил за счёт фирмы, чтобы не обижалась.

— Ну, с такого контракта, который я тебе привёз, ты всех своих в Турцию свозить можешь. И не только в Турцию, а куда подороже. На, знакомься.

Борис Петрович открыл портфель, достал папку с бумагами, взял со стола футляр с серьгами, задумчиво повертел его в руках и сунул в потайной карман.

— Да, испортил ты мне малину.

— Да ежели бы знать!

— Ладно уж, говорю, сам виноват. Выпью, пожалуй, соточку. Да ты сиди-сиди, документы изучай, что я в первый раз, что ли, у тебя, не знаю, где что находится?

Борис Петрович тяжело поднялся из-за стола, прошёл к бару, долго разглядывал его содержимое, потом достал початую бутылку виски, стаканы.

— Будешь?

— Нет, мне с бумагами прежде разобраться надо.

— Правильно! Бумаги серьёзные. Такого контракта у нас с вами ещё не было. Я вот уже сомневаюсь, справишься ли?

— Да справимся, справимся.

Борис Петрович плеснул в стакан золотистого цвета напитка.

— Льда нет?

— Должен быть.

Николай Иванович вскочил со стула.

— Да сиди ты уже, не суетись. Что, я сам не найду в холодильнике? А-а, впрочем, и так сойдёт.

Он одним глотком выпил виски, постоял в раздумье, взял бутылку, принёс её к столу, сел.

— Нет, ну почему такой облом?

— Так я же говорил...

— Да не мямли ты. Не твоя вина.

Откинулся на спинку кресла, которое услужливо наклонилось назад.

Борис Петрович долго смотрел в потолок, пока Николай Иванович, ошарашенный суммой контракта, пытался совладать с собой и осознать содержание документа, обещающего столько, сколько его бюро зарабатывало за весь год. Гость налил себе ещё, снова залпом выпил.

— А что это у тебя за русская красавица с длинной толстой косой? В прошлый раз её не было.

— Кто с косой? — переспросил Николай Иванович, всё ещё не веря привалившему счастью.

— Так я тебя и спрашиваю, кто это у тебя новенькая с русой косой?

— А! — переключился Николай Иванович на гостя. — Племянница моя. Сестры дочь. Взял после университета. Не по специальности, но девчонка головастая. На лету схватывает. Толк будет.

— Да мне по хрен, какой из неё проектировщик. Девушка красивая, но племянница — это святое. Ты читай, не отвлекайся. Или посоветоваться с кем надо?

— Да что советоваться? Профиль наш, объёмы, правда, большие и сроки очень сжатые, но сделаем.

— На субподряд кого взять хочешь?

— Нет, своими силами сделаем. Круглые сутки работать будем, но сделаем.

— Я тоже думаю, надо без посторонних. Не хочу, чтобы информация утекла. Сам понимаешь, чуть что — там столько ястребов на эти африкан-

ские проекты налетит, что мы враз в стороне останемся. И ты у себя в городе тоже молчи. Военная тайна!

— Железно!

— Ладно, что там у тебя с застольем? Пошли праздновать.

Петровна расстаралась на славу. Зная предпочтения столичного гостя, стол накрыла по-деревенски. Мол, всяких там лягушачьих лапок и устриц он и в Москве может каждый день заказать, а вот рассыпчатой дачной картошечки с укропчиком, грибочков солёных, огурчиков со своего огорода да всяких солений-варений там не в каждом дорогом ресторане найдёшь. Бывала в Москве, знает, что там хоть и называют русской кухней, но кавказцы теми ресторанами владеют и сами готовят, так какая же это русская кухня? Она зря, что ли, в своём деревенском доме сегодня ночевала, пироги да блины в печи пекла, а не в духовке. Да и щи в русской печке всю ночь томилась. Знает, как ублажить москвича, который родом-то из костромской деревни.

За столом Борис Петрович расслабился, отошёл душой, даже повеселел. Особенно после того, как Петровна, подыгрывая себе на гитаре, исполнила старинный романс, а потом задумчивую русскую песню. Изрядно выпив, гость то и дело порывался танцевать, хотя грузное топтание на одном месте танцами назвать было трудно, но гость и не стремился выделять сложные па, ему доставляло удовольствие постоять в обнимку с очередной хорошенькой сотрудницей. Танцуя, то и дело поглядывал на скромно сидящую в конце стола племянницу Николая Ивановича Мариночку.

Потом дошла очередь и до неё. Потоптавшись пару минут, Борис Петрович сильнее прижал девушку и зашептал ей на ухо:

— Давай-ка, моя хорошая, смоемся отсюда ко мне в номер.

— Вы, дяденька, на себя в зеркало-то хоть иногда смотрите?

— Да, и представляешь, очень себе нравлюсь.

— А мне — нет.

— Так ведь я тебя не замуж и зову, чтобы всю жизнь нравиться.

Марина хотела освободиться от тесных объятий, но Борис Петрович попытался удержать её за руку.

— Да отвяжись ты! — вывернулась она и пошла на своё место.

— Строптивая у тебя племянница, — наливая себе виски, сказал Борис Петрович.

— Есть такое дело.

— Нравятся мне строптивые! Ох, нравятся! Не люблю, когда сами льнут. Вот когда уламывать надо, вот тогда кайф получаешь. Слушай, запал я на неё. Ой, запа-ал! Хоть и племянница она твоя, а не отказался бы. И эти бриюльки ей бы отдал, а не Ларисе. Ты поговори с ней.

— Свадьба у неё через неделю, но поговорю. Чего же не поговорить? Чай, не убудет.

Николай Иванович вышел из-за стола, поманил племянницу в коридор.

— Маринка, ты уж будь с нашим благодетелем поласковее.

— Мне что, в постель с ним ложиться?

— А если и в постель...

— Дядя Коля, а как ты на свадьбе моему Серёжке в глаза смотреть будешь?

— Как смотреть? Нормально смотреть буду.

— Но ты же говорил, что он тебе как родной.

— А я и сейчас так говорю.

— И всё равно хочешь меня, свою родную племянницу, накануне свадьбы в постель к этому жирному борову подложить? Эх, дядя Коля, дядя Коля...

— Я тебе сколько раз говорил: “На работе я для тебя Николай Иванович”. Это первое. Второе: ты, девонька моя, целку из себя не строй. Знаю я и про Вовку, и про пашни твои со Смеховым, и про аборт тоже знаю. Мать всё сетовала, что в меня племянница пошла, гулёна.

— Там, Николай Иванович, у меня любовь была, и Серёжка про бывших моих кавалеров знает. А тут ты под первого встречного племянницу подложить хочешь. Не стыдно?

— Ты мне про стыд уши не заливай. Стыд не дым, глаза не ест. Мне, точнее, всем нам, этот проект вот как нужен (он провёл ребром ладони по горлу).

— Дядя Коля, я же твоя племянница!
— Да ты понимаешь, о каком проекте речь-то идёт? Да за этот проект я бы сам...

— Так в чём же дело? Иди!

— Мы с ним не той ориентации, — ничуть не обидевшись, расхохотался Николай Иванович. — Ну, чего тебе стоит? Мы же потом целый год работой и деньгами обеспечены будем. Я тебе три оклада премию выпишу. Пять окладов! Мариновка, десять окладов! И с квартирой помогу. Да и у него, сам показывал, золотые серьги с бриллиантами в подарок припасены.

— И что я Серёжке скажу? Что эти бриллианты я проституцией заработала?

— Ну, ты и дурёха! Да какая же это проституция? Это производственная необходимость. А серёжки я на свадьбе тебе передам, будто подарок от фирмы. Соглашайся, а! Выручи родного дядю! А Серёжка никогда ничего про это не узнает.

— Эх, дядя Коля, дядя Коля! На что ты меня подговариваешь, на что толкаешь? Стыдно же и перед людьми, и перед Серёжкой, и перед собой — в первую очередь. Это же безнравственно! Аморально!

— Знаешь, девочка моя, мораль и бизнес — вещи несовместимые. Где бизнес, там нет места морали. Сегодня у нас с тобой здесь только бизнес и ничего личного.

— Вот и делай свой бизнес, только без меня!

— Милая моя, это не только мой бизнес. Все мы с него кормимся, и ты, моя дорогая, — тоже. Думаешь, за чей счёт свадьбу твою шикарную заказали? Наряды вам с Серёжкой, кольца да фигово всякую покупали? У сестрички моей — мамочки твоей, — сама знаешь, счетов в банке не имеется, и кредиты ей не с чего выплачивать. Серёжка — парень хороший, но тоже голь перекатная. А вам же всем надо, чтобы не хуже, чем у людей, чтобы выпендриться! Платье за сто тысяч да лимузин к подъезду, и в ресторане чтобы не под пластинку танцевать, а чтобы знаменитости играли. Это что, вам с неба свалилось? Нет, моя дорогая, это как раз благодаря, как ты говоришь, моему бизнесу. Да мне самому он сто лет не нужен! Иди-иди, строй из себя недотрогу!

Распалаясь, Николай Иванович в сердцах выговаривал это, постепенно переходя с шёпота чуть ли не на крик на весь этаж. Девушка расплакалась и убежала вдоль коридора в сторону туалета — смывать слёзы и приводить себя в порядок.

— Всё! Дело швах. Ну, надо же было так случиться, что Лариса так не вовремя в отпуск укатила! И Маринка заартачилась. Тоже мне моралистка! Знаю, какая она моралистка, слышал от матери о её подвигах. А когда для дела надо, так о морали заговорила! Из-за её упрямства такой контракт может сорваться! Знаю я Бориса Петровича. Из-за любого пустяка разобидеться может. А проект этот ему в любом институте нарисуют. Не хуже нашего, и откат устроят, и любой каприз выполняют. Эх, Маринка, Маринка!

Николай Иванович вернулся к столу, налил себе полный стакан и не закусывая выпил.

— Ты чего это? — участливо обняла его за плечи Петровна. — Случилось что?

— Всё случилось, Петровна. Всё! Напрасно всё это, и пироги твои, и застолье это. А ведь такой контракт! Такой контракт! Мы за год столько не зарабатывали. Лариска уехала, он на Маринку глаз положил, эта коза заартачилась, мол, не хочу с жирным боровом. Всё, Петровна, всё прахом идёт! Брошу я всё к чёртовой матери, буду на пенсии отдыхать. Мне хватит, у меня запросы скромные. Дай-ка я ещё налью.

— Может, хватит, Николай Иванович? Неужто из-за Маринкиного отката контракт не отдаст?

— Он может. Знаю я его. Шлея под хвост, и всё. А мы все — в заднице. И буду опять копейки собирать, чтобы на плаву удержаться. А надо оно мне? Нет, ухожу на пенсию. Дай-ка пирога твоего попробую. А то зазря, что ли, стряпала...

— Да не убивайся ты, Николай Иванович! Ну, не отдаст он нам этот контракт — проживём. Вспомни, какие трудные времена пережили.

— Да что ты меня уговариваешь, как ребёнка. Знаю, что переживём, только обидно, когда из-за пустяка такой куш срывается. Подай бутылку.

— Может, хватит?

— Сам знаю, когда хватит.

Николай Иванович снова налил почти целый стакан, выпил, занюхал куском пирога, откусил маленький кусочек, стал медленно жевать, почти не мигая глядя в тарелку. Потом поднялся и, если бы не успела Петровна подхватить его под руку, грохнулся бы на пол. Она отвела его в кабинет, уложила на диван и пошла к оставшимся за столом.

Наутро Николай Иванович не мог вспомнить, как и чем закончился вечер, почему он оказался на диване в своём рабочем кабинете. Голова раскалывалась. Достал из бара бутылку, сделал глоток прямо из горлышка и отправился в гостевой номер, устроенный в конце коридора.

Бориса Петровича в комнате не оказалось. На столе лежал подписанный контракт, а сверху на обрывке листка было написано “Молодцы, что не продаёте! На свадьбу от меня”. На этом же обрывке лежала красивая коробочка с повязанной бантиком ленточкой. Николай Иванович открыл футляр и невольно залюбовался: на белом бархате лежали вычурной формы золотые серьги с крупными бриллиантами.